

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

**ГРИГОРИЙ КАМАТИР И ЕГО ПЕЧАТЬ
В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

В составе византийской коллекции Гос. Эрмитажа в Ленинграде хранится огромное число подвесных свинцовых печатей-моливдовулов — их насчитывается свыше 11 тыс.

Исследованию моливдовулов посвящена значительная литература, но обычно работа над ними ограничивается ознакомлением с техникой их изготовления, установлением различных типов печатей, изучением изображений, эпиграфических особенностей и т. д.

Между тем моливдовулы имеют одну особенность, которая дает возможность привлечь их к изучению некоторых аспектов византийской истории. Дело в том, что на многих печатях обозначены имена, а часто и чины и звания их владельцев. Это обстоятельство тем более важно, что, как известно, византийские памятники материальной культуры в противоположность, например, восточным изделиям, весьма редко указывают имя мастера или обладателя вещи. Путем сопоставления сведений, представленных в легендах моливдовулов, с данными других источников, удастся иногда сделать наблюдения, интересные для характеристики как самих владельцев печатей, так и той общественной среды, в которой они жили.

Ценный и интересный в этом плане материал можно почерпнуть из византийской литературы. Обращение к ней не будет случайным, ибо многие из тех, имена которых начертаны на моливдовулах, встречаются либо как непосредственные авторы произведений, написанных в том или ином литературном жанре, либо выступают в качестве лиц, которым посвящают свои сочинения византийские историки и хронисты, философы и астрономы, поэты и сатирики.

Первым опытом такой работы и является настоящая статья, касающаяся одной печати эрмитажного собрания (М-8040), некогда приобретенной покойным академиком Н. П. Лихачевым вместе с другими моливдовулами, найденными в Турции.

Описание печати с указанием работ, относящихся к выяснению рода Каматиров, дано в большой, пока не опубликованной работе Н. П. Лихачева „Моливдовулы греческого Востока“¹:

„Печать небольшой величины — 21 мм, на тонкой пластинке, очень хорошей сохранности. С одной стороны — поясное изображение „Бого-

---

¹ По инициативе Института истории материальной культуры АН СССР работа готовится к изданию научными сотрудниками Гос. Эрмитажа А. В. Банк и В. С. Шандровской.

родицы“ типа „Знамение“, с диском на груди, в диске — погрудное изображение Эммануила в крещатом нимбе. Титла $\overline{\text{MP}}-\overline{\text{ΘI}}$. С другой стороны, в кругу из точек — отчетливая надпись в четырех строках: $\Theta\text{KEB}\Theta/\text{TP}\Gamma\text{OP}\text{I}/\text{OT}\Omega\text{KAMA}/\text{THP}\Omega$, т. е. $\Theta\epsilon\omega\tau\acute{\omicron}\kappa\epsilon \beta\omicron\upsilon\theta\eta\epsilon\iota \Gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omega \tau\acute{\omicron}\nu \text{Ka}\mu\alpha\tau\eta\rho\acute{\omicron}\nu$ “

Стиль печати и палеографические данные, по мнению Н. П. Лихачева, позволяют датировать моливдовул первой половиной XII в. Чтение и датировка ученого не вызывают возражений. Быть может, следует присовокупить к этому только то, что и тип изображения богоматери на нашей печати также подтверждает эту датировку. Напомним, что — как указывали и сам Н. П. Лихачев² и Н. П. Кондаков³,

Рис. 1. Печать Григория Каматира из собрания Эрмитажа
а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

а на нумизматическом материале и И. И. Толстой⁴ — этот тип „Знамения“ хронологически ограничен. „На основании свидетельства монет и печатей мы должны принимать как факт прославление особого иконного перевода (т. е. иконографического типа. — В. III.), получившего у нас имя „Знамения Божьей Матери“ в пределах исключительно XI и XII столетий“⁵.

Таким образом, внешние признаки печати дают определенную хронологическую дату — XII в.

Теперь предстоит выяснить, кем был и что представлял собой владелец печати Григорий Каматир.

О знаменитом феодальном роде Каматиров, игравшем большую роль в жизни византийской империи времени правления династии Комнинов (1081—1185), не раз упоминают византийские источники. Не ставя своей целью изучить генеалогию этого рода и не стремясь к полному перечню

² Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. СПб., 1911, стр. 84.

³ Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 105 сл.

⁴ И. И. Толстой. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской божьей матери. — „Записки Русского археологического общества“, новая серия, т. III, 1888, стр. 1—20.

⁵ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 108. Ср. описание печати севаста Константина Ксира. См. А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв. — МИА, № 34, 1953, стр. 296.

членов знатной фамилии⁶, назову лишь некоторых из них, занимавших высокие посты в империи. Так, например, Андроник Каматир — высший государственный чиновник; Иоанн, сын Андроника, — логофет дрома, Василий и Иоанн — патриархи в Константинополе, Епифаний Каматир — преемр и эпарх⁷.

Имя Григория Каматира встречается в источниках: 1) как имя секретаря Алексея Комнина, а при Иоанне Комнине — логофета и протосекретаря⁸; 2) как имя претора или протопретора Пелопоннеса и Эллады, известное в сигиллографии⁹, и 3) как имя сына Василия Каматира, о чем упоминается в одном из источников 1088 г.¹⁰ Шлюмберже считает, что Григорий, претор Пелопоннеса и Эллады, отличен от Григория Каматира, о котором упоминает Никита Хониат¹¹. Вопреки ему для Н. Веиса тождество всех трех имен несомненно¹². По мнению Лорана, суждение Веиса лишено каких-либо доказательств¹³. Сам Лоран говорит о существовании двух различных лиц: о Григории, секретаре императора Алексея, и о другом Григории, преторе фемы Пелопоннеса и Эллады.

Большой интерес вызывает тот факт, что члены рода Каматиров выступают то в качестве покровителей отдельных писателей и поэтов (например, Иоанна Цеця и Феодора Продрома), то сами являются авто-

⁶ V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamatéros. — Byz., vol. VI, 1931, p. 261—271; G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familiae Kamateres. — ВЗ, С. Bd. XXXIV, 1934, S. 352—358.

⁷ Один из экземпляров печати Епифания также хранится в эрмитажной коллекции, где числится под номером М — 8042 (воспроизведена у Лихачева на табл. LXXIII, № 14). „Печать (средней сохранности) большой величины — 30—32 мм, на толстой пластинке. С одной стороны — изображение „Божьей матери“ в рост. Судя по положению рук (очертания стертые), „Богоматерь“ держит перед грудью диск с Эммануилом. Титла $\overline{\text{MP}} - \overline{\text{ΘY}}$. С другой стороны, в кругу из точек — надпись в семь строк. Некоторые буквы неотчетливы:

— + —	Т. е.
ΕΠΑΡΧΟΣ	ἐπαρχος
ΕΚΣΥΖΠΡΟ	ἐκ σοῦ κλι
ΕΔΡΟΣΠΑΡ	πρόεδρος
ΘΕΝΕΕΠΦΑ	παρθένε
ΝΙΟΣΚΑΜΑ	επιφανείος
ΓΗΡΟΣΟΝ	καματηρός
ΣΚΕΠΟΙΣ	ἔν σκέποις
— ✱ —	

Печать Афинского музея, прекрасной сохранности, с такой же написанной ямбическим триметром стихотворной надписью, была опубликована К. М. Константинополом в „Journal international d'Archéologie numismatique“, vol. VI, 1903, p. 334, № 345. Датирована XI—XII вв.

Кроме того, Н. Веис (ВВ, т. XXI, 1914, стр. 219) считает, что эту же надпись содержит Моллидовул, изданный Г. Шлюмберже (G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 629, 3).

Что касается личности самого Епифания Каматира, то Н. Веис отождествляет его с Епифанием, анфипатом фемы Эллады и Пелопоннеса, упоминаемым в житии св. Мелетия. Против мнения Веиса выступает Лоран (ук. соч., стр. 264).

⁸ У Анны Комнины, Никиты Хониата и Феофилакта; ср. печать, изданную А. Мордтманом и Г. Шлюмберже (A. Mordtmann. Sur les sceaux et plombs byzantins. Constantinople, 1873, p. 59—60, № 39; G. Schlumberger. Op. cit., p. 628).

⁹ G. Schlumberger. Mélanges d'Archéologie Byzantine. Paris, 1895, p. 199—200, № 1 и p. 224, № 45. G. Schlumberger. Sceaux Byzantins inédits, № 1, 45; К. М. Константинополос. Βυζαντινά κλοῦββουλλα — JIAN, vol. V, 1902, p. 200, № 94, 94a; N. Veis. Zur Sigillographie der Byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas. — ВВ, т. XXI, 1914, стр. 217—218.

¹⁰ MM, VI, S. 50.

¹¹ G. Schlumberger. Mélanges. . . , p. 199f, 224f.

¹² ВВ, т. XXI, 1914, стр. 219.

¹³ См. V. Laurent. Op. cit., p. 264—266.

рами различных сочинений. Иоанн Каматир, имеющий звание ἐπί τοῦ κανικλέου, позднее архиепископ Болгарии, оставил астрологическое произведение „Περὶ ζωδιακοῦ κύκλου καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων τῶν ἐν τῷ οὐρανῷ“, написанное ямбическим триметром и посвященное императору Мануилу Комнину¹⁴. Другому Иоанну Каматиру, Константинопольскому патриарху, принадлежит ряд полемических сочинений¹⁵. Андроник Каматир — автор „Ἔρὰ Ὀπλοθήκη“¹⁶.

Порой, однако, Каматиры становятся адресатами, которым посвящают свои речи, письма, произведения известные и анонимные авторы. Так, в адрес патриарха Иоанна направлена панегирическая речь Никифора Хрисоверга¹⁷. В эскуриальском кодексе Y—II—10 (XIII в.), который по содержанию является неисчерпаемым источником для литературной, церковной, политической и придворной истории Византии, имеются речи, обращенные к великому друнгарю Андронику и патриарху Василию Каматирам. Византийский историк Никита Хониат¹⁸ оставил подробное описание жизни императрицы Евфросиньи, супруги Алексея III, происходящей из рода Каматириков. Протоновеллессиму Михаилу Каматиру адресовано письмо Михаила Италика: „Εἰς τὸν Καματηρὸν κύριον Μιχαήλ, τὸν τοῦ κυρίου Ῥωμανοῦ υἱόν“¹⁹.

Что касается интересующего нас Григория Каматира, то ему посвящены два произведения известного поэта XII в. Николая Калликла и монодия Феодора Продрома; Григорию писал свои письма болгарский архиепископ Феофилакт.

Надгробная эпитафия Н. Калликла „Εἰς τὸν τάφον τοῦ Καματηροῦ λογοθέτου“ („На смерть логофета Каматира“) — стихотворное произведение, состоящее из 31 стиха. В 1903 г. оно было издано крупным польским филологом Стернбахом в сборнике „Nicolai Calliclis Carmina“²⁰. Стихотворение, составленное в форме плача супруги Григория Ирины, происходящей из рода Дук, над прахом ее любимого, — стихотворение нежное, полное образных сравнений с живой природой — рисует скорбь верной жены и любящей матери, потерявшей сына незадолго до смерти мужа:

„συνῆψα πένθει πένθος ἀρχαῖον νέω
τῷ πυρὶ πῦρ προσῆξα, τῇ φλογὶ φλόγα
ὅστωις πατρός συνῆψα παιδὸς ὅστέα“ (ст. 21—23).

(„С новой скорбью я связала скорбь прежнюю,
я приблизила огонь к огню, пламя к пламени,
с костями отца кости сына соединила я“).

Смерть Григория, по словам Ирины, устами которой говорит поэт, была для всех большим горем:

„Αἶ, αἶ, σεβαστέ! σοῦ κρυζέντος ἐν τάφῳ
ἦνθησε πένθους δένδρον ἐν Βυζαντίδι,

¹⁴ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2 Aufl. München, 1897, S. 760 f.; E. Miller. Poèmes astronomiques de Théodore Prodrome et de Jean Camatère. — „Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques“, vol. XXIII, part II. Paris, 1872, p. 40 sq.

¹⁵ K. Krumbacher. Op. cit., S. 92—93.

¹⁶ Ibid., S. 90.

¹⁷ Ibid., S. 470.

¹⁸ Nicetas Choniates. Imperii Alexii Comneni fratris Isaacii Angeli, lib. I—III, ed. Bonn., 1835.

¹⁹ M. Treu. Michael Italikos. — BZ, Bd. IV, 1895, S. 10 f. О печати протоновеллессима Михаила Каматира см. V. Laurent. Documents de sigillographie Byzantine. La Collection C. Orghidan. Paris, 1952, p. 59—60, № 96.

²⁰ Nicolai Calliclis Carmina, ed. Leo Sternbach. Cracoviae. 1903, p. 21, XXI.

ἦνεγκε καρπὸν, ἀλλὰ καρπὸν πικρίας
 ὁ βασιλεὺς ἔφαγε τοῦ καρποῦ πλεόν,
 ἔφαγεν ἢ σύγκλητος Ἀύσονων ὅλη,
 ἢ σύνοδος μετέσχεν, ἦλθεν εἰς κόρον.
 Βαβαί, τί τοῦτο; καὶ φαγόντων μυρίων
 ἐμοὶ τό δένδρον πλήρες εὐρέθη πάλιν“ (ст. 12—19).

(„Увы, увы, севаст, тебе, сокрывшемуся в могиле!

Расцвело древо траура в Византии,
 принесло плод, но плод горечи... .

Царь вкусил большую часть плода,
 весь синклит вкушал,

синод принял участие — пресытился... .

Увы, что же это?! В то время, как тысячи вкушали
 я снова нашла древо полным [плодов горечи]“).

К Григорию Каматиру относится и второе стихотворение Н. Калликла в 19 строк, написанное в виде молитвенного обращения логофета и его супруги к Христу: „Εἰς τὸν Χριστὸν ἱστάμενον ἐπὶ τῷ τάφῳ ὡς ἐκ προσώπου ἀμφοτέρων τοῦ τε λογοθέτου καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ κυρᾶς Εἰρήνης μετὰ μοναχικοῦ σχήματος ἱσταμένων“²¹.

Перу другого интересного поэта XII в. — Феодору Продрому — принадлежит траурная речь в честь Григория, озаглавленная: „Μονωδία εἰς τὸν σεβαστὸν καὶ λογοθέτην κυρὸν Γρηγόριον τὸν Καματηρόν“. Известная по рукописям Ватикана № 305²² и № 466²³, монодия была издана А. Мажури (А. Majuri) в 1908 г.²⁴

Эта монодия дает яркое представление о характере подобных надгробных речей, раскрывающих, пожалуй, прежде всего образ самого составителя, а затем уже рисующих облик и деятельность того человека, в память которого торжественно и скорбно звучит прощальное слово.

Монодия начинается риторическим вопросом, обращенным к собравшимся по поводу кончины севаста и логофета Григория Каматира: „Τίνι, ὦ παρόντες, ἐργασαίμην προτέρῳ τὴν μονωδίαν καὶ τίνι χαρισαίμην δευτέρῳ τὸν θρῆνον; πότερον κειμένῳ τῷ σοφῷ λογοθέτῃ τὸ δάκρυον ἐπομβρόσομαι, ἢ πολὺ πρότερον ἀνατετραμμένην τὴν πολιτείαν οἰμῶσομαι“; — р. 528 (17—20).

(„О, присутствующие, для кого прежде составить монодию и кому затем посвятить плач? Ради кого пролить слезы: ради лежащего [в гробу] мудрого логофета, либо оплакивать ниспровергнутое задолго до него государство?“)²⁵.

Сравнивая Каматира — „величайшего севаста“ — с золотым жезлом, подпирающим попавшее в трудное положение государство (ῥάβδῳ χρυσῇ ἐφέκεις, μέγιστε σεβαστέ, τὸ πεπονηκὸς ὑπερείδων τῆς πολιτείας) — р. 528 (22—23), Ф. Продром вопрошает: „Τίνα τοίνυν πρῶτον ἀποδυρτέον; τὴν ἤδη κατεαγείσαν ῥάβδον, τὸν λογοθέτην, ἢ τὴν κατὰ γῆς οἰκτρῶς βεβλημένην γραῖδα, τὴν πολιτείαν;“ — р. 529 (7—9). („Кого оплакивать раньше: уже разбитый жезл — логофета, или же упавшую на землю старуху — государство?“).

²¹ Niccolai Calliclis Carmina, p. 20, XIX.

²² I. Mercati et P. Franchi de Cavalieri, t. I. Rome, 1923.

²³ E. Feron et F. Battaglini. Codices mss. Graeci Ottoboniani Bibliothecae Vaticanae. Rome, 1893, p. 259.

²⁴ Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Cl. di Scienze morali, storiche e filologiche, ser. V, vol. XVII. Roma, 1908, p. 528—535.

²⁵ Пользуюсь случаем выразить благодарность Р. М. Бартияну, оказавшему мне помощь при переводе этого текста.

Умер Григорий Каматир и „весь мир покрылся тьмой“. „И впредь жизнь безнадежна и неоткуда ожидать спасения“ (ἀνέλπιστα δὲ τοῦ λοιποῦ τῷ βίῳ τὰ ἐμπροσθεν, καὶ προσδοκία οὐδαμοῦ σωτηρίας) — р. 531 (3—5).

Составитель монодии стремится как можно полнее и разностороннее показать заслуги Каматира перед государством, прибегая в своей речи к ярким сравнениям, широкому использованию античных образов, заимствованных им из классической литературы и мифологии.

Григорий Каматир был очень образованным человеком своего времени, пишет Продром: „Ты был и богословом, судьей для философов и риторов, а для людей, занимающихся законами — законом и законодателем, для церкви — канонем; украшением сената, десницей императора“ — р. 532 (18—21). И вместе с тем: „Ты говорил с селянами на более простом языке, ты разбирался и в схедах схедаграфов и, подражая Сократу, бывал вместе с кожевниками и продавцами обуви, и для всех с тобой, во всем милейшим человеком, было приятно говорить и слушать“ — р. 532 (21—25).

Автор воспевает язык севаста, который „своим изяществом и стройностью речи строил стовратный Византий“: „ἐγὼ δὲ τοῦ ἐμοῦ σεβαστοῦ τὴν γλῶσσαν ὑμνήσομαι διὰ τῆς οἰκειᾶς εὐφραδειᾶς καὶ ἐμμελείας τὰς ἑκατονταπύλους οἰκίζουσαν, τὸ Βυζάντιον“ — р. 529 (27—29). И вновь восклицает: „ᾠ Σειρὴν ἔκεινῃ καὶ γλῶσσα ἔκεινῃ, ἀφοφῆτι μὲν καὶ ἴρέμα τὴν φωνὴν προϊέισα καὶ ὡς ἂν τις εἰκάσῃ μέλι καὶ ἔλαιον, εἰς αὐτὸ δὲ τὸ βᾶθος τῶν καρδιῶν ἐνημαινούσα τὰ νοήματα“ — р. 529 (18—20). („О ты, сирена и голос, который произносил [слова] без шума и тихо, [слова], которые казались медом и маслом, волнуня [людей] до глубины сердца“).

Что же касается государственной деятельности Григория Каматира, то в монодии имеются пассажи, где дана характеристика его трудов и заслуг: „Кто из граждан привел в порядок и украсил нравы? Или кто укрепил [страну] ромеев законами, которыми еще больше укрепляется город, хорошо управляемый? Несомненно он [Каматир], после смерти которого законы сильно пострадали. Горе велеречию философов, умению риторов убеждать, строгой точности законов. Подрезаны ваши крылья, погас жар вашего аттического огня, законодатель оставил вас!“ — р. 529 (32) — 530 (1—7).

Продром называет Каматира „изумительной башней города, фундаментом которой является благочестие, благоразумие и все прочие добродетели, надстройкой — всякое слово, разнообразные дары наук, а крышей — высокая наблюдательность и свобода действия разумной души“ — р. 530 (15—19).

В конце монодии, описывая величие столицы, Продром прибегает к антитезе, желая подчеркнуть роль Григория Каматира для Константинополя, а, быть может, тем самым и для империи: „однако все ничто в сравнении с логофетом (ἀλλ' οὐδὲν τὰ πάντα πρὸς ἓνα τὸν λογοθέτην), который хотя не укрепил тебя камнями и кирпичами, но, по выражению того, происходящего из демоса Пэания (имеется в виду Демосфен. — В. Ш.), словами и делом [укрепил] тебя стенами более крепкими, чем стены жителям города Иерихона“ — р. 535 (5—8).

Тяжелая болезнь сломила мужественно сопротивлявшегося ей Каматира. „Ковчег“ — тело, в противоположность уму — Ною, „будучи сделанным из дерева и смертной материи, не смог выдержать, наконец, удары волн со всех сторон“ — р. 532 (13—16).

„Вся вселенная оплакивала тебя: и все сообща, и каждый по отдельности, император и царь... тяжесть общественного правления ты сам взвалил на себя и понес, сенат оплакивал [тебя], как очи свои,

церковь — как защитника и знатока святых догм, братья — как своего наилучшего брата и спасителя, дети — своего отца и свое неожиданное и безвременное сиротство, но прежде всего [оплакивала тебя] чтимая супруга, которая при жизни жила [с тобой] прекрасно, а когда ты умер, умерла вместе [с тобой]. И вместе с ними потеряли: нищета — обогащающего, справедливость — защитника, а логос — логофета. Нет такого [человека], который не пролил бы слезы по случаю подобного несчастья и который своими ногтями не обезобразивал бы лицо, считая это несчастье своим“ — р. 532 (25—33) — 533 (1—6).

Таков образ Григория Каматира, созданный Продромом, — образ широко образованного человека, хорошо разбирающегося и в законах, и в богословии, и в философии, и в поэзии, владеющего при этом блестящим даром красноречия, и страстного защитника чужих прав. Его государственная деятельность, сопряженная с немалыми трудностями, была, по мнению Продрома, примером исключительно ревностного отношения к своим обязанностям, ясного понимания высокого служебного долга.

Стиль языка монодии Продрома находится в соответствии с жанром надгробных речей, весьма распространенным в Византии. Эмоционально насыщенная, полная ярких сравнений и поэтических образов, завершающаяся апофеозом, траурная речь не могла не взволновать присутствующих, убежденных в особых заслугах и дарованиях умершего.

Знание Продромом классической литературы и мифологии позволяет ему сравнивать Григория Каматира то с крышкой большого пифоса, полного зла, которая должна препятствовать выходу коварных и давать спасение жизни (см. Гесиод „Работы и дни“), то с хорошим жезлом, чарующим взоры людей больше, чем жезл Гермеса, пробуждающим даже спящих — р. 528 (25—27). Используя древнее предание, Продром уподобляет логофета яркой звезде, которой суждено было погаснуть и превратиться в легендарный остров блаженных: „О, этот остров, который приносил больше добра, чем по легенде [остров] феаков, и будучи островом большого блаженства, как ты и назывался, защищен крепкими стенами и имеешь хорошую гавань“ — р. 531 (30)—532 (1—3).

Поэтическое вдохновение окрыляет автора монодии, когда он поет славу столице: „μεγίστη μὲν γὰρ εἶ τῶ μεγέθει καὶ τῶ κάλλει καλλίστη καὶ τῆς ὅλης οἰκουμένης οἷον φάναϊ καρδιά, εἰς ἣν τὰ πανταχόθεν ἄκρα συντρέχει καὶ ὄθεν ἀρχεται. Πολλά σοι τὰ κατὰ τῶν ἄλλων αὐχῆματα πόλεων νῆσος εἰ ταῖς ἡπειροῖς καὶ ταῖς νήσοις ἡπειρος πύργοι περιτελήφασί σε κύκλω καὶ θριγγοὶ θαυμαστοὶ γυνὴ πρὸς ἄνδρα τὸν σὸν πολιιστὴν ἢ Σεμίραμις ἐκόσμησάν σε στοαὶ διώροφοι καὶ τριώροφοι, ἐθαυμάστωσάν σε καὶ ἀνδριάντες χαλκοῦ καὶ λίθου ἐξεργασμένοι τῶ μεγέθει μὲν ἐνθυμοῦμαι τὸν Ῥόδιον κολοσσόν, τῇ δὲ τέχνῃ τὸν Ἡρακλέα τοῦ Λυσιμάχου φαντάζομαι καὶ τὴν ἐν Κνίδῳ Ἀφροδίτην τοῦ Πραξιτέλους καὶ τὸν Δαφναῖον Ἀπόλλωνα λίμνας ἔχεις, θέατρα ἔχεις, λουτρὰ δημόσια ἐνφοκοδόμηται σοι καὶ οἰκίαι περιφανεῖς καὶ μεγάλαι.“ . . — р. 534 (25—34) — 535 (1—3). Ты, [Византий], великий по величине и красивейший по красоте, так сказать, — сердце всего мира, к которому отовсюду все ведет и откуда берется начало. У тебя больше гордости, чем у других городов. Ты — остров среди материков, и среди островов — материк. Тебя окружают чудесные башни и удивительные венцы стен, перед твоим строителем Семирамида — женщина. Украсили тебя двухэтажные и трехэтажные портики, сделали тебя чудесным бронзовые и каменные статуи. По величине я вспоминаю Родосского колосса, по искусству ты мне кажешься Гераклом Лисимаха, Книдской Афродитой Праксителя и Аполлоном Дафнийским. Ты имеешь озера, театры, в тебе построены общественные бани, отличные и большие дома. . .“.

* * *

Надгробные речи — монодии — заслуживают однако критического отношения и требуют привлечения других источников для проверки и подтверждения отдельных показаний. В полной мере это касается и монодии, составленной Продромом.

Сведения, почерпнутые из произведений византийских историков, в частности из „Алексиады“ Анны Комниной и „Истории“ Никиты Хониата, а также письма болгарского архиепископа Феофилакта могут служить дополнением к тому, что известно о Григории Каматире на основании эпиграммы Николая Каллика и монодии Федора Продома.

Согласно свидетельству Анны Комниной, Григорий был одно время императорским секретарем и, в частности, вел следствие по делу Никифора Диогена, уличенного в заговоре против императора Алексея Комнина²⁶.

Никита Хониат в своей „Истории“ говорит о Григории Каматире — как о „человеке знаменитом, но рода незнатного и отнюдь не богатого“ (ὁ δ' ἀνὴρ οὗτος ἐλλόγιμος μὲν, τὸ δὲ γένος οὐκ εὐπρεπῆς οὐδ' ἐπίπαν εὐπάριφος)²⁷. В начале правления Иоанна Комнина Каматир был назначен помощником Григория Таронита, надзирателя над общественными делами. Затем, „взятый к себе царем Алексеем и избранный в число секретарей, он объезжал провинции и, собрав, благодаря установлению налогов в них, великое богатство, захотел путем брака вступить в родство с царем. И действительно, женившись на одной из его родственниц, был выдвигнут логофетом секретов“²⁸.

В письмах архиепископа Феофилакта Григорий Каматир представлен в основном также как государственный деятель. Непосредственное отношение к нему имеют следующие из писем Феофилакта²⁹: „Τῷ Καματηρῷ κυρίῳ Γρηγορίῳ“ (Meurs., 6), „Τῷ πρωτασκηρῆτι κυρίῳ Γρηγορίῳ τῷ Καματηρῷ“ (Meurs., 71), „Τῷ Καματηρῷ“ (Lami, 23) и „Τῷ Καματηρῷ κυρίῳ Γρηγορίῳ“ (Lami, 30)³⁰.

Григорий Каматир выступает в письмах как человек, которому, по словам Феофилакта „θεὸς τῷ παρὰ βασιλεῖ μεγάλη δύνασσαι δέδωκεν“ („бог дал возможность творить большие дела у царя“) и который известен своей опытностью в добрых делах. Последнее обстоятельство побуждает архиепископа из Охриды обращаться в затруднительных случаях за помощью к Григорию, как он пишет об этом, например, в 6-м письме: „οὐ γὰρ ἂν ἠγνόησεν ὁ ἀρχιεπίσκοπος τῷ ἀνδρὶ, ὃν σιῆνος περιβομβεῖ βασιλικῶν πραγμάτων. . . πόθεν οὖν τὸ καινοφανές τὸδε χρῆμα, καὶ ἡμῖν ἄχαρον; πόθεν; ἐκ τῆς σῆς περὶ πᾶν ἀγαθὸν δεξιότητος“ (col. 368 c) („не забыл архиепископ о че-

²⁶ Annae Comnenae, Alexias. Bonnae, 1839, lib. IX, 8, p. 451—452.

²⁷ Nic. Chon., Historia, p. 13.3.

²⁸ Ibid., p. 14.3.

²⁹ Перу Феофилакта принадлежит 130 писем, которые были изданы сначала тремя издателями: 20 — Б. Финетти, 75 — И. Меурсием и 35 — И. Ламия. Позднее все эти письма были переизданы Минем — PG, t. 126, Theophylacti epistolae, col. 307—558. Однако при этом им были допущены ошибки, в результате которых материал одного издателя иногда приписывается другому издателю или одно и то же письмо числится у разных издателей и т. д. См. „Письмата на Теофилакта Охридски“, перев. от митрополита Симеона („Сборник на Българската Академия на науките“. София, 1931, кн. XXVII, стр. III).

³⁰ Что касается 12-го письма у Финетти, то В. Васильевский пишет: „Письмо Каматиру, изданное Финетти (№ 12), хотя и носит в заглавии его имя, но неправильно и вследствие какой-то ошибки. Оно написано было к духовному лицу, как показывает обращение ἀδελφῆ τιμιώτατε — в начале и ὡ τοῦ λόγου λειτουργέ — в конце“ (С. В. Васильевский. Библиографическая заметка на книгу Ф. Успенского „Образование второго болгарского царства“. ЖМНП, 1879, август, стр. 327).

ловеке, который озабочен множеством царских дел... Чем объяснить эту необычную вещь, для нас неуместную? Чем? Твоей искусностью в добрых делах“).

Григорий Каматир имеет большую силу и влияние и может выступать посредником у императора, касается ли это вопроса выборов архонтов („πῶς οὐ προκλητικὸν ἐστὶ σοὶ μείζονος ἐκ Θεοῦ παρὰ βασιλεῖ δυνάμεως, ἵνα μείζω καὶ πόλεις εὐεργετοῦνται καὶ ἔθνη διὰ τῆς σῆς τῶν ἀρχόντων ἐπιλογῆς, καὶ παρὰ τῶ κρατοῦντι συστάσεως“) (col. 369 в), или защиты прав Охридской церкви относительно села Ἐκκλησία: (30-е письмо). Кстати сказать, судьба церковного поместья весьма заботила охридского архиепископа, поэтому совершенно не случайно он обращает к Каматиру следующие строки: „Не превосходят ли самое сильное волнение те испытания, которые я претерпеваю по делу о церковном поместье. . . Немалую печаль доставляет нам слух о размежевании поместья“ (col. 540 А—В). Но и здесь Феофилакт возлагает свои надежды на Григория Каматира: „Πλὴν ἀντιτιθῆσιν, ὡς σοῖσι γούνασι καίται ταῦτα, ῥάω τε τὰ τῆς λύπης, καὶ ἡμεῖς ἡδεῖς γινόμεθα“ (col. 540 В) („Поразмыслив же, что дело находится в твоей власти, мы умеряем печаль радостью“)³¹.

Особое место среди писем, обращенных к Григорию Каматиру, занимает 71-е письмо: судя по содержанию послания, Григорий оказал значительную услугу архиепископу, выступив в его защиту. „Итак, — говорит Феофилакт, — ты оказал мне большую услугу, освободив меня от несправедливого обвинения... Так ты пользуешься своим правом заседать в совете царя, о милостях которого свидетельствуют сами враги“³². Особый интерес этого письма заключается в том, что Григорий здесь (col. 492—493) впервые назван протосикритом (πρωτοσικρίτης) и логофетом (λογοθέτης), т. е. лицом, занимавшим одновременно два столь высоких поста в империи. Это указание является весьма ценным, ибо, с одной стороны, оно подтверждает уже сказанное о Григории Каматири, а с другой — расширяет данные, касающиеся его государственной карьеры.

Таким образом, на основании различных источников можно проследить путь Григория Каматира, начавшего свою деятельность простым секретарем и ставшего в конце жизни протосикритом и логофетом. Кроме того, Григорий Каматир был удостоен „высочайшего“ (по выражению Хониата) титула севаста.

В связи с рассмотрением материала, относящегося к Григорию Каматиру, было бы, конечно, важно уточнить даты его жизни. Из „Алексиады“ Анны Комнины и „Истории“ Никиты Хониата известно, что он жил во времена правления Алексея и Иоанна Комнинов. Однако, когда начал Каматир свою деятельность и когда прервалась его жизнь — неизвестно. К сожалению, ни литературные произведения, написанные в честь Григория Каматира, ни письма болгарского архиепископа, ему адресованные, не дают об этом прямых указаний. Попытку установить дату смерти Григория Каматира сделал С. Д. Пападимитриу. Основываясь на отдельных данных монодии Продрома (на том, например, факте, что императрица Ирина была еще жива, на некоторых сведениях, касающихся деятельности императора Иоанна Комнина, и на сообщении о появлении большой кометы, предшествовавшей смерти Григория Каматира), С. Д. Пападимитриу пришел к выводу³³, что кончина Григория

³¹ Перевод Ф. И. Успенского (см. Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 27).

³² Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 12.

³³ С. Д. Пападимитриу. Федор Продром. Одесса, 1905, стр. 151.

Каматира наступила после лета 1126 г. Однако предположение С. Пападимитриу недостаточно обосновано, и окончательное разрешение вопроса о важнейших вехах биографии Григория Каматира может быть дано лишь на основе привлечения всего известного о нем материала³⁴.

Каждая конкретизация образа придает ему историческую осязаемость, и, несмотря на то, что привлеченные здесь источники нельзя назвать беспристрастными, они дают много интересного и ценного для восстановления образа владельца одной из эрмитажных печатей — Григория Каматира.

Дальнейшее изучение коллекции, вне сомнения, позволит выделить целую группу печатей, имена владельцев которых вошли так или иначе в историю литературы Византии. Использование же данных литературы поможет оживить эти свинцовые печати, за которыми стоят определенные люди с их чинами и титулами, с присущими этим людям индивидуальными качествами.

---

³⁴ Так, еще В. Г. Васильевский считал („Библиографическая заметка. . .“, стр. 326), что кое-какие хронологические указания можно найти в письмах Феофилакта к Каматиру. Например, в письме 71-м, утверждал Васильевский, идет речь „о том времени, когда царь Алексей в ожидании нашествия Бозмунда оставил столицу и, взяв вместе с собою императрицу Ирину (Α π η α Σ ο φ η., II, р. 141, 178) и сына с его женою (ibid., I, р. 49), удалился на запад и провел все время от сентября 1105 г. до конца 1106 г. частью в Солуни, частью около Девол и границ Албании. Тогда же, вероятно, Феофилакт рассчитывал увидеться с Каматиром лично (Lami, 23)“. Кстати сказать, письмо 23-е, по мнению профессора В. Златарского, может быть приурочено в 1108 г. (См. В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 284).
